

Вечность. И еще один день

Злата Симонян

Злата СИМОНЯН

Вечность. И еще один день

«Автор»

2026

Симонян З. П.

Вечность. И еще один день / З. П. Симонян — «Автор», 2026

Перед вами — пронзительная история о любви, преодолевающей границы бытия. В центре повествования — двое возлюбленных, чье счастье обрывается неотвратимым расставанием. Когда один из героев уходит из жизни, второй получает драгоценный, но горький дар — возможность провести с любимым ещё один день, за порогом вечности. Эта повесть — не о потере, а о преображении любви. О том, как чувство, пережив физическую разлуку, обретает новые формы: становится шелестом листьев, ароматом кофе, теплом солнечного луча, тихим эхом в памяти. Через боль прощания герой открывает для себя удивительную истину: вечность — не бесконечная череда лет, а миг, когда сердце полностью открывается жизни, любви и каждому драгоценному мгновению.

© Симонян З. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Вечность	6
Часть 1. Вечность	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Злата Симонян
Вечность. И еще один день

Часть 1. Вечность

Глава 1. Утренний ритуал

Каждое утро начиналось неизменно, словно отмеренное самой судьбой, будто некий высший промысел заботливо откладывал для них этот драгоценный час – час, когда мир ещё не пробудился окончательно, а потому принадлежал только им двоим. В эти мгновения время словно замедляло свой неумолимый бег, позволяя двум сердцам существовать в особом измерении, где не было места суете и тревогам, где царили лишь тишина, нежность и предвкушение нового дня.

Александр пробуждался на полчаса раньше Елизаветы – в тот тихий, почти сокровенный час, когда ночь, словно не желая расставаться с владением, ещё не вполне отступила, а день лишь робко касался горизонта первыми, едва заметными лучами. Этот переход от тьмы к свету завораживал его: он видел в нём не просто смену суток, но и некое таинство, повторение извечного чуда мироздания. В доме царила особая, хрупкая тишина, подобная тончайшему хрусталу, который может разбиться от малейшего неосторожного звука. Она окутывала всё пространство, проникала в каждую щель, наполняла собой воздух, превращая обычный дом в подобие храма, где совершалось ежедневное таинство их любви.

Тишину нарушало лишь мерное тиканье старинных часов в гостиной – размеренное, почти гипнотическое, отмеряющее мгновения с благородной неторопливостью. Этот звук, знакомый с детства, действовал на Александра умиротворяюще, напоминая о непрерывности бытия, о том, что жизнь течёт своим чередом, несмотря на все бури и потрясения. Порой к этому монотонному ритму присоединялось редкое, робкое пение проснувшейся птицы за окном – словно пробующей голос в предрассветной тишине, словно исполняющей свою партию в великом симфоническом оркестре природы. Александр прислушивался к этим звукам с особым вниманием, находя в них подтверждение тому, что мир пробуждается не только для них двоих, но и для всего живого, что их счастье – часть великого замысла мироздания.

Он двигался бесшумно, с той почти ритуальной осторожностью, с какой прикасаются к святыне. Каждый его жест был исполнен благоговейной тишины, будто он боялся нарушить эту раннюю гармонию, эту незримую симфонию пробуждающегося мира. В эти утренние часы Александр ощущал себя не просто человеком, совершающим привычные действия, но и жрецом, исполняющим священный обряд во имя любви. Его движения были плавными, выверенными, исполненными особого смысла – он знал, что каждое прикосновение, каждый шаг влияют на атмосферу этого драгоценного времени.

На кухне, окутанной предрассветным полумраком, где тени ещё цеплялись за углы, словно не желая отступить перед наступающим светом, Александр готовил кофе по своему особому рецепту. Это действие превращалось для него в подлинный ритуал, в молчаливую молитву благодарности за ещё один подаренный им день. Он доставал из старинного деревянного шкафчика фарфоровую джезву, и бережно протирал её мягкой тканью. Затем, почти трепетной осторожностью, отмерял нужное количество кофейных зёрен – не слишком много, чтобы не перебить тонкий аромат, но достаточно, чтобы напиток обрёл насыщенный, глубокий вкус.

С особым вниманием он выбирал зёрна, оценивая их цвет и аромат. Для него это было не просто приготовление напитка, но и своего рода медитация, возможность сосредоточиться на мыслях о Елизавете. Он вдыхал их терпкий, землистый запах, который пробуждал в памяти далёкие, почти забытые образы детства: бабушкин дом с его неповторимым уютом, запах свежеспечённого хлеба, доносившийся из печи, тихий смех матери за утренним столом, её ласковые руки, накрывающие на стол. Эти воспоминания, словно нити невидимого кружева, сплетались в его душе, создавая особую атмосферу умиротворения и благодарности.

Затем он тщательно молот зёрна вручную – этот монотонный процесс действовал на него умиротворяюще. Звук перетирающихся зёрен, ритмичное движение ручки кофемолки, аромат, постепенно наполняющий кухню – всё это создавало особую мелодию утра, которую Александр слышал внутренним слухом.

Он представлял, как Елизавета, ещё пребывая в полусне, улавливает этот аромат, как он проникает в её сознание, обещая новый прекрасный день.

К свежемолотому кофе он добавлял щепотку корицы – её тёплый, пряный аромат пробуждал в нём ощущение домашнего тепла и защищённости. Затем следовала капля ванильного экстракта, придававшая напитку едва уловимый, но незабываемый аромат, словно обещание чего-то волшебного, что таится в грядущем дне. Александр тщательно следил за тем, чтобы специи не перебили основной вкус кофе, но лишь подчеркнули его, добавив тонкие, изысканные нюансы.

Медленное просачивание воды сквозь фильтр, осторожное добавление специй – всё это превращалось в своего рода медитацию, в молчаливую молитву благодарности за ещё один день, подаренный им обоим. Он наблюдал, как тёмная жидкость наполняет чашку, как на поверхности образуется тонкая пенка, как поднимаются первые струйки ароматного пара. В этих простых, повседневных действиях он находил не только умиротворение, но и радость предвкушения – скоро Елизавета откроет глаза, и мир обретёт полноту, наполнится светом и смыслом.

Когда напиток был готов, Александр с особой тщательностью сервировал поднос. На нём изящно располагались фарфоровая чашка с блюдцем тончайшего китайского фарфора, маленький молочник с кремовым молоком и серебряная ложечка, отполированная до зеркального блеска. Каждое из этих предметов имело свою историю: чашка была подарена ему бабушкой на совершеннолетие, молочник достался в наследство от тётки, а ложечка была приобретена в антикварной лавке во время их первой совместной поездки в Европу. Для Александра эти вещи были не просто посудой, но и символами их общей истории, незримыми нитями, связывающими прошлое, настоящее и будущее.

С подносом в руках он направлялся в спальню. Путь его пролегал через гостиную, где на стенах висели семейные портреты, через коридор, украшенный старинными гравюрами, – каждый предмет интерьера был частью их общего мира, созданного с любовью и заботой.

Спальня была окутана мягким светом зари, который пробивался сквозь тонкие, полупрозрачные занавески из ирландского кружева, превращая их в подобие волшебного шатра. Лучи солнца, ещё робкие и рассеянные, окутывали пространство золотистым сиянием, при-

давая всем предметам причудливые, изменчивые очертания. Тени играли на стенах, создавая фантастические узоры, которые менялись с каждым мгновением, словно живая картина.

Он ставил поднос на столик у кровати с той бережной аккуратностью, с какой помещают драгоценную реликвию на алтарь. Каждое движение было исполнено особого смысла: он не просто сервировал завтрак, но и совершал обряд почитания той, что была для него дороже всего на свете. Столик, изготовленный из красного дерева, был украшен тонкой резьбой – Александр сам выбирал его, представляя, как будет каждое утро ставить на него поднос с кофе для своей возлюбленной.

Затем, склонившись над спящей Елизаветой, с почти благоговейной осторожностью отодвигал прядь её волос со лба – шелковистую, словно сплетённую из лунного света, нежную, как первый весенний лепесток. В эти мгновения он замирал, любуясь её безмятежным лицом, отмечая, как нежные тени ложатся на её щёки, как подрагивают во сне ресницы, словно крылья бабочки. Он мог бесконечно долго рассматривать каждую черточку её лица, находя в ней совершенство, которое не способно передать ни одно произведение искусства.

Её дыхание было ровным и спокойным, губы слегка приоткрыты, на лице – выражение безмятежности, которое он так любил. Александр чувствовал, как его сердце наполняется невыразимой нежностью, как в груди разливается тепло, от которого хочется плакать и смеяться одновременно. Он осторожно проводил кончиками пальцев по её щеке, ощущая бархатистую гладкость кожи, вдыхая едва уловимый аромат её волос – смесь цветочного шампуня и чего-то неуловимо родного, присущего только ей.

Наклонившись ещё ниже, он шептал, вкладывая в эти слова всю нежность, на которую было способно его сердце, всю любовь, что переполняла его душу, всё восхищение, которое он испытывал перед этим чудом природы, этим совершенным созданием, подаренным ему судьбой:

– Пора, солнце.

Елизавета улыбалась, не открывая глаз, и в этой улыбке было что-то неуловимо детское, невинное, отчего в груди Александра всякий раз теплело, а сердце сжималось от нежности. Эта улыбка, такая простая и искренняя, была для него дороже всех сокровищ мира, ярче всех восходов и закатов. В ней заключалось всё то, за что он любил её: чистота души, непосредственность, способность радоваться простым вещам.

– Ещё пять минут вечности, – отвечала она, и её голос, сонный и чуть приглушённый, звучал как самая прекрасная мелодия, которую он когда-либо слышал. В нём слышались отголоски сновидений, тепло утра и обещание нового, чудесного дня. Александр мог бы слушать этот голос бесконечно, улавливая в нём малейшие оттенки настроения, читая между слов невысказанные мысли и чувства.

,

Они пили кофе, сидя у окна, наблюдая, как просыпается город. Утренний свет, поначалу робкий и рассеянный, словно стесняющийся вступить в свои права, постепенно набирал

силу, озаряя улицы, дома, деревья. Он преображал привычный пейзаж, придавая ему черты сказочного королевства, где реальность переплеталась с фантазией, а обыденное становилось волшебным. Крыши домов золотились, словно покрытые драгоценной пылью, принесённой из недр сказочных гор; ветви деревьев мерцали, будто украшенные тысячами крошечных бриллиантов, которые вспыхивали при каждом движении лёгкого ветерка.

Александр не мог оторвать взгляда от Елизаветы. В эти мгновения она казалась ему воплощением самой красоты, живым олицетворением утренней зари. Лучи солнца, проникая сквозь оконное стекло, играли в её волосах, превращая их в расплавленное золото, струящееся по плечам подобно реке, несущей в своих водах отблески небесного огня. На щеках расцветал нежный румянец, словно отблеск зари, только-только пробудившейся над горизонтом, обещающей новый день, полный чудес и открытий.

Её глаза, ещё сонные, но уже сияющие, отражали первые лучи солнца, придавая взгляду загадочное, почти неземное сияние. В них таилась глубина, способная поглотить всё внимание Александра, увлечь его в бездонный океан чувств, где время теряет смысл, а реальность растворяется в потоке чистой, незамутнённой любви. Он восхищённо описывал ей эту картину, находя всё новые и новые сравнения, словно поэт, вдохновлённый музой:

– Ты словно богиня утренней зари, спускающаяся с небес, чтобы одарить мир своим присутствием. Твои волосы – это река золотого света, а глаза – два озера, в которых отражается небо. Или, быть может, ты – сказочная принцесса, пробудившаяся в заколдованном замке, где время остановилось в ожидании твоего пробуждения. Каждый твой вздох – как шепот ветра, приносящего весть о новом дне, каждая улыбка – как луч солнца, растопляющий последние остатки ночной тьмы.

Елизавета смеялась, слегка покачивая головой, но в её глазах светилась тёплая, благодарная нежность. Этот смех, лёгкий и мелодичный, наполнял комнату особой, живой энергией, заставляя сердце Александра биться чаще, словно пытаясь вырваться из груди навстречу этому звуку, столь прекрасному и родному. Он ловил каждый оттенок её смеха, запоминая его, словно драгоценную мелодию, которую хотел бы слышать вечно.

– Расскажи ещё, – просила она, и в этом голосе звучало не просто любопытство, а искренняя потребность в его словах, в его взгляде, в этой минуте, которую они делили только вдвоём. В её просьбе таилась глубокая, невысказанная потребность в близости, в подтверждении того, что этот миг – их общий, неповторимый, принадлежащий только им, вырванный из бесконечного потока времени и сохранённый в хрустальной шкатулке их любви.

Александр, вдохновлённый её вниманием, продолжал:

– Когда я смотрю на тебя, мне кажется, что весь мир замирает в благоговейном молчании.

Даже солнце, восходя над горизонтом, делает это лишь для того, чтобы осветить твоё лицо, чтобы подарить тебе свои первые, самые нежные лучи. Ты – как картина, написанная мастером, в которой каждая деталь продумана до мелочей, каждый штрих несёт в себе глубокий смысл. Твои ресницы – как крылья бабочки, готовые взлететь при первом прикосновении ветра; твои губы – как лепестки розы, хранящие аромат утренней свежести.

Елизавета слушала, не перебивая, лишь иногда кивая головой в знак согласия или улыбаясь, когда его слова затрагивали особенно чувствительные струны её души. Она знала, что в эти мгновения Александр не просто говорит – он изливает своё сердце, открывает перед ней самые сокровенные уголки своей души, доверяет ей то, что не смог бы выразить словами перед кем-либо другим.

В эти мгновения Александр чувствовал, как время словно останавливается, растворяясь в безмолвной симфонии утра. Мир сужался до тёплого дыхания Елизаветы, до аромата свежесваренного кофе, до ощущения её руки в его ладони – нежного, но крепкого прикосновения, которое связывало их крепче любых слов. Это прикосновение было для него больше, чем просто физический контакт – оно было мостом между двумя душами, каналом, по которому текла невидимая, но ощутимая энергия любви и взаимопонимания.

Всё остальное – суета, тревоги, будни – казалось далёким и незначительным, словно размытый пейзаж за окном, теряющий чёткость очертаний в утреннем тумане. Оставались лишь они двое, этот миг и бесконечная, хрупкая красота их утреннего ритуала, который они бережно хранили, как самое драгоценное сокровище, как незримую нить, связывающую их сердца в вечном танце любви и нежности.

Он смотрел на неё, и в его душе рождались строки, подобные стихам:

В твоём взгляде – рассвет, в твоём смехе – весна,
В каждом слове – мелодия, в каждом жесте – тайна.
Ты – как утро, дарующее надежду,
Как свет, прогоняющий тьму.

Эти строки не требовали бумаги и чернил – они жили в его сердце, в его мыслях, в каждом биении его пульса. Он знал, что даже если мир вокруг изменится, если время сотрёт многие воспоминания, этот утренний ритуал останется с ним навсегда – как символ их любви, как напоминание о том, что истинное счастье кроется в простых вещах, в мгновениях, которые мы делим с теми, кто нам дорог.

Елизавета, словно уловив его мысли, слегка сжала его руку и прошептала:

– Спасибо тебе за это утро. За то, что ты есть. За то, что делаешь каждый мой день таким особенным.

И в этих словах, произнесённых тихим, едва слышным голосом, было больше смысла, чем в самых пышных речах. Они были подтверждением того, что их любовь – не мимолетное чувство, а нечто глубокое, вечное, способное пережить любые испытания и остаться таким же чистым и ярким, как утренняя заря, озаряющая их жизнь.

Часть 1. Вечность

Глава 2. Тени на стене

Однажды утром, когда первые робкие лучи рассвета едва коснулись оконных стёкол, а дом ещё пребывал в полусонной неге, Елизавета задержалась в ванной дольше обычного. Тишина, обычно окутывавшая их жилище в эти предрассветные часы, вдруг показалась Александру тревожно-напряжённой – словно сама атмосфера сгустилась, наполнившись невысказанными опасения *gefährlich*, будто невидимые нити тревоги оплели каждый предмет, каждую тень, каждый отблеск на полированной поверхности мебели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.